

А. В. Нагорная

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия
alnag@mail.ru*

ГОЛОС ВНУТРЕННЕГО ТЕЛА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Человеческое тело является одним из стержневых компонентов в культурах западного типа и выполняет роль универсального семиотического кода, позволяя осуществлять когнитивную интерпретацию и словесное означивание предметов и явлений окружающей действительности. С помощью тела мы измеряем расстояния («рукой подать», «close at hand»), присваиваем наименования структурным компонентам объектов («ножка стола», «the foot of the mountain»), оцениваем относительную значимость того или иного объекта в общей системе («хлеб – всему голова», «the heart of the matter»), описываем функции объектов («зеленые насаждения – это легкие города», «railways are the arteries of the country»). Подвергая тело нещадной семиотической эксплуатации, мы, парадоксальным образом, забываем о том, что у него есть и собственные семиотические потребности, значительная часть которых остается неудовлетворенной. Существуют сферы жизни тела, которые практически не освоены человеческим сознанием и крайне слабо представлены в языке. Важнейшей из них является сфера внутрителесных, или interoцептивных, ощущений.

Интероцептивные ощущения – это сигналы, поступающие из внутренней среды организма и характеризующие состояние его гомеостаза. Их восприятие является отдельным, самостоятельным видом перцептуальной деятельности, именуемой interoцепцией. Результаты этой деятельности редко становятся достоянием сознания в силу целого ряда причин. Одной из них является физиологическая специфика interoцептивных ощущений, которая заключается в перманентности, лабильности и слабой (в норме) степени интенсивности (см., например, [Тхостов 2002]). С другой стороны, interoцептивные ощущения обладают рядом уникальных феноменологических свойств, способствующих их превращению в «концептуальное слепое пятно» (Elizabeth Grosz). Эти ощущения ненаблюдаемы, их регистрация

не зависит от деятельности тех органов чувств, на которые мы рутинно полагаемся при взаимодействии с окружающей средой. Особенно ощутимым оказывается отсутствие зрительных стимулов, поскольку западный человек, по меткому выражению Лоренца Окена, – это человек-глаз, привыкший к гегемонии зрительных образов и сформировавший ментальную привычку переводить результаты познавательного опыта в зрительный формат. Принципиально важным представляется и такое феноменологическое свойство, как неконтролируемость. Не имея возможности осуществлять контроль над внутренним телом, человек склонен мистифицировать происходящие в его среде процессы, используя для их интерпретации иррациональные, фантастические объяснительные модели. Так, например, внутренние органы и процессы персонифицируются, наделяются субъектной инициативой и рассматриваются как объекты, способные к совершению осознанных целенаправленных действий. Важнейшим феноменологическим свойством интероцепции является и ее внесоциальность. Интероцепция принадлежит исключительно субъектной сфере индивида, и интероцептивный опыт, в отличие от экстероцептивного, в принципе не может быть коллективным и не допускает возможности социальной рефлексии. Внутреннее тело, являющееся локусом интероцептивных ощущений, не существует ни для кого, кроме ощущающего его индивида. По словам Ханны Арендт, наше внутреннее тело, невидимое и неслышимое для окружающих, надежно защищено от сферы общественного опыта и радикально изолирует нас от окружающего мира¹. Вследствие своей внесоциальности, интероцептивный опыт не допускает возможности верификации, т.е. сопоставления с соответствующим опытом других людей с целью проверки истинности его результатов. Критерий истинности оказывается в целом не применим к интероцепции, поскольку никаких единых эталонов для оценки ее качественных и количественных параметров не существует. Уникальность физиологических и феноменологических свойств интероцептивного опыта существенно препятствует его сознательной рефлексии и затрудняет процесс его когнитивного моделирования.

¹ "The body ... is the only thing one could not share even if one wanted to. Nothing ... is less common and less communicable, and therefore more securely shielded against the visibility and audibility of the public realm... Nothing ... ejects one more radically from the world". Цит. по: [Tambornino 1999: 172].

Серьезной преградой на пути когнитивного освоения интероцептивных ощущений являются и отрицательные познавательные установки, принятые в западной культуре по отношению к внутреннему телу. Интерес к нему в целом не поощряется, поскольку сущностными характеристиками человека традиционно признаются интеллектуальные способности и душевные качества, в то время как телесные динамики составляют лишь некоторый «довесок» к подлинно человеческим формам существования. Данное обстоятельство многократно обсуждается в работах С. Фишера, который пишет о том, что внутреннее тело в западной культуре олицетворяет собой первобытность природы (the rawness of nature), все то неконтролируемое, девиантное, нечистое, что является антитезой высоко ценимой цивилизованности [Fisher 1973: 139].

Следует признать, что за пятьдесят лет, прошедшие с момента выхода в свет работы С. Фишера, отрицательные установки в отношении внутреннего тела стали гораздо менее ригидными. Само человеческое тело обрело большую публичность вследствие повышенного внимания к современным медицинским технологиям и проблемам борьбы со старением. Однако реабилитации подверглось, главным образом, анатомическое тело, в то время как тело феноменологическое – живое, дышащее, ощущающее, переживающее, – по-прежнему остается территорией неизведанной, слабо и фрагментарно репрезентированной в когнитивном пространстве и сохраняющей стойкий иммунитет по отношению к языку.

Говоря о влиянии культуры на формирование когнитивного пространства интероцепции, не следует отводить ей исключительно роль фрустратора. Культура – это не только ценностные установки и поведенческие нормативы; она представляет собой глобальное дискурсивное пространство, в границах которого разворачиваются сложнейшие информационные процессы. Воздействуя на человека, они формируют определенный способ и стиль мышления. Механизм этого воздействия чрезвычайно сложен, поскольку человек не является пассивным реципиентом некоторого культурного контента. Его взаимодействие с культурой – сложный, многогранный, взаимообусловленный процесс, имеющий много общего с тем, как человек взаимодействует с биологической средой. Подобно тому, как он вдействован в окружающий мир и связан с ним «петлями круговой, циклической причинности» (Телесность как эпистемологический феномен:

31), он активно вдействован и в ту культурную среду, в рамках которой он воспитывается. Понятие аффорданса, являющееся одним из ключевых для современной концепции телесно-детерминированного мышления (см. [Van Dantzig 2009]), вполне применимо и к сфере культуры. Подобно тому, как окружающая нас природная среда предоставляет нам некоторый спектр возможных манипуляций с ее объектами, культурная среда предоставляет нам возможность сформировать определенный модус мышления, выработать интерпретационные модели, произвести когнитивную оценку того или иного явления действительности. Мы совершенно солидарны с позицией Ю.И. Александрова, который пишет о том, что человек не просто усваивает содержание культуры, в рамках которой он воспитывается, он «формирует в культуре свой опыт» [Александров 2009: 63], сколь бы субъективным этот опыт ни был. «Способ существования общества, культурно определяемый, диктует его членам, что и как воспринимать, классифицировать и оценивать» [Там же: 22].

Влияние культурной среды на формирование субъективного опыта становится особенно очевидным при сравнении двух систем, становление которых происходило под влиянием разных исторических, социальных, лингвистических и других факторов. В нашем случае речь пойдет об англо-саксонской и русской культуре, которые, несмотря на общую принадлежность культурам западного типа, обнаруживают существенные, глубинные различия в интерпретации наиболее базового для человека опыта – опыта переживания внутрителесных ощущений. Поскольку наше исследование носит лингвистический характер, мы сознательно не касаемся исторических и культурологических аспектов проблемы, рассматривая лишь, как субъективный interoцептивный опыт репрезентируется в языке, и какие когнитивные процессы могут лежать в основе тех или иных типов концептуализации.

При первом знакомстве с языковыми фактами складывается впечатление, что англоязычная культура в гораздо большей степени соматична и приглашает своего носителя к более подробному, детальному знакомству с внутренним телом.

Английский язык изначально ориентирует своего носителя на более четкое фрагментирование внутрителесного пространства. В корпусе общеупотребительной, наивно-анатомической лексики присутствует не только *guts* 'кишки', но и *bowels*, обозначающее толстый кишечник, с которым в наибольшей степени

ассоциируется экскреторная функция. Дитя вынашивается не в абстрактно-собирательном 'чреве', а в четко локализованном *womb*, обозначаемом в медицине термином *uterus* / 'матка'.

Англофоны проявляют гораздо большую степень «осведомленности» в вопросах анатомического строения внутреннего тела, выводя в дискурс не только сердце и желудок, но и другие внутрителесные органы. Особенно показателен корпус фразеологических единиц, в состав которых входят названия внутренних органов. Фразеологизации подвергается не только лексема *heart* 'сердце', как в русском языке, но и такие единицы, как *spleen* 'селезенка' и *stomach* 'желудок', в русском языке мало или совершенно не востребованные. Ср.: *to vent one's spleen* (выразить сильное недовольство, букв. 'излить селезенку'), *to have the stomach for sth* (иметь смелость что-то сделать, быть в состоянии что-то вынести, букв. 'иметь желудок для чего-то'), *to turn sb's stomach* (вызвать у кого-то ощущение тошноты, букв. 'перевернуть чей-то желудок') и др.

В английском языке нашло более четкое отражение понимание функций, выполняемых внутренними органами. Англофон не эвфемистически 'оправляется' или 'испражняется', а *moves his bowels* (букв. 'двигает свою толстую кишку'); для обозначения функции переваривания пищи может использоваться конверсионный эквивалент существительного *stomach* (*to stomach*), обозначающего тот самый орган, в котором этот процесс происходит.

Для представителя русскоязычного культурного сообщества внутреннее тело гораздо менее соматично и ассоциируется скорее не с органикой, а с метафизикой. Внутреннее тело – это главным образом локус духовности человека. Именно там располагается душа, которая, несмотря на свой метафизический характер, наделяется физическими характеристиками, превращаясь тем самым в квазиорган, лишенный анатомического субстрата, но реальный с психологической точки зрения. Душа обладает размерными характеристиками ('большой души человек', 'маленькая, мелкая душонка'), имеет объем и допускает проникновение в ее внутреннее пространство ('где-то в глубине души'), способна испытывать физическое страдание ('душа болит', 'душа ноет').

Метафизика присутствует и в наивно-анатомической картине англоязычной культуры. Английским аналогом русской 'души' является *mind*, предназначенный для выполнения мыслительных функций. Подобно русской душе, *mind* обладает основными атрибутами реального физического органа. Он компактен

и имеет внешние границы, однако, в отличие от русской души, он допускает расположение объекта на его поверхности (*what's on your mind today?*), во внутреннем пространстве (*your wishes are uppermost in my mind*) и за его пределами (*I put it out of my mind*). Как и душа, *mind* пространственно ориентирован, но для его описания релевантны противопоставления не только «верх – низ» (*'the subject was on the top of her mind', 'at the bottom of my mind'*; ср. *в глубине души*), но и «передняя часть – задняя часть» (*The front of his mind only knew about the pain; it was the back that directed his eyes* (S. King. Misery)).

И русская душа, и английский *mind*, подобно органам, имеющим анатомический субстрат, способны изменять положение во внутрителесном пространстве, совершая качественно разнообразные движения: *душа ушла в прятки, мне всю душу перевернуло, вся моя душа взмыла к небесам; his mind was spinning and diving; his mind went into a freefall, etc.*

Mind, как и душа, способен испытывать болезненные ощущения: *his mind ached; his mind was cramping* (King. Misery)

Несмотря на наличие множества сходных черт, английский *mind* все же более «физичен»; в отличие от души, он может выходить из строя и утрачивать структурную целостность (*broken mind, split mind*).

Большая метафизичность русского внутреннего тела ощущается и во фразах типа 'где-то глубоко внутри (он почувствовал)...'. Эта фраза будет скорее относиться к некоторому эмоциональному состоянию или обозначать интеллектуальный процесс (интуитивное ощущение, догадку), в то время как английское *somewhere deep inside* может в равной мере обозначать и определенное соматическое состояние. Ср.: *He looked at her with warm thoughtfulness, and with a speculation that made her tingle deep inside* (S. King. The Dead Zone); *Henry felt a sudden atavistic terror invade him... except it actually seemed to rise up from inside, somewhere deep inside* (S. King. Dreamcatcher).

Еще более показательна разница между 'внутри него' и *inside him*. При полном внешнем сходстве данные обороты используются для обозначения принципиально разных явлений. Русское 'внутри него' никогда не используется для обозначения interoцептивного ощущения. Ср. Внутри него бушевали противоречия; Внутри него формировалась какая-то мысль; *Внутри него что-то кольнуло. В процессах, происходящих «внутри него», задействовано не его тело, а его внутренняя сущность, его Я (или его душа). Если мы хотим поместить в фокус внимания тело, мы скорее при-

бегнем к конструкции 'у него внутри': У него внутри все болит, У него внутри покалывает и т.п. при весьма сомнительном *У него внутри бушевали противоречия.

Отмеченная выше «несоматичность» русской культуры проявляется и в том, что русский язык избегает употребления агентивных конструкций при описании внутрителесных феноменов, отказываясь видеть в теле активное, самостоятельное начало. Соматические события описываются как происходящие сами по себе, причиняемые телу, но не совершаемые им: *меня скрутило, меня кольнуло, мне стрельнуло в бок* и т.п. Английская лингвокультура локализует ощущение в самом внутреннем теле, объясняя его действием внутренних органов. Ср. 'Мне скрутило желудок' при '*Мой желудок скрутился' vs. *My stomach knotted* при **My stomach was knotted*; 'У меня урчит в желудке' при сомнительном '*Мой желудок урчит' vs. *My stomach grumbled*.

Особенно ярко контраст между пациентивной ориентацией русского языка и агентивной – английского проявляется при описании физиологических процессов типа рвоты, тошноты и т.п. Ср. *He puked/ vomited* – 'Его вырвало'; *His stomach retched / heaved* – 'Его тянуло рвать' при *Его желудок рвал/ испытывал позывы на рвоту. Описываемое здесь действие воспринимается в русскоязычной культуре как абсолютно неконтролируемое субъектом, в то время как англоязычная культура предоставляет субъекту возможность осуществлять его осознанно и целенаправленно. Такое же право она признает и за обладающим собственной активностью желудком. *The barrels of the shotgun were pushed back nearly to his palate, and his terrified stomach was trying to retch* (S.King. *Salem's Lot*).

Ориентация на активное, деятельное начало способствует тому, что в английском языке гораздо отчетливее выражена тенденция к персонификации органов внутреннего тела, о которой мы писали выше в связи с феноменологическими свойствами интероцептивных ощущений. Интероцептивное ощущение часто описывается посредством глаголов, обозначающих действия, которые обладают интенциональностью и могут производиться только живым существом: *My heart vaulted nimbly into the back of my mouth and crouched there, trembling* (S. King. *The Body*); *Her stomach did another forward roll but this time it didn't stop; it just went on somersaulting over and over and she became aware that she was getting sick* (S.King. *The Dead Zone*). Единственным органом, который регулярно персонифицируется в русском языке, является сердце: *сердце подпрыгнуло, заныло и т.д.*

Примечательно, что в английском языке при описании interoцептивных ощущений могут использоваться глаголы с семантикой желания, намерения или усилия, что совершенно не характерно для русского языка. Ср.: *an expression of trapped horror froze her face and her heart tried to cram its way up into her throat* (S.King. *Needful Things*) (*ее сердце попыталось заползти ей в горло).

Тем не менее, существуют определенные общие тенденции в вербальной репрезентации interoцептивных ощущений в английском и русском языке. Так, например, одной из популярнейших стратегий является описание ощущения в терминах движения. Ощущение может, в том числе, описываться как перемещение органа по внутрителесному пространству либо как движение, регистрируемое в какой-либо его части. Ср.: *My heart jumped/ fell/leapt* – ‘У меня сердце подпрыгнуло/упало/подскочило’: *My heart jumped as I was seized by fear* (P. Cornwell. *Point of Origin*); *Я набрел на нее случайно, и сердце подпрыгнуло: в галерее экспонировалась инсталляция Илья Кабакова «Коммунальная квартира»* (Н. Климонтович. *Далее – везде*).

Нельзя не заметить, однако, что в английском языке корпус лексических единиц, репрезентирующих концепт ДВИЖЕНИЕ и используемых для обозначения ощущения, гораздо более обширен. Так, например, сердечные сенсации могут описываться глаголами *run* ‘бежать’, *race* ‘мчаться’, *gallop* ‘скакать галопом’, *hop* ‘скакать’, *sink* ‘тонуть’, *soar* ‘взмывать’, *plunge* ‘погружаться’, *heave* ‘вздмываться’, *lurch* ‘накреняться’ и множеством других, эквиваленты которых в русском языке в подобных контекстах не используются. В русском языке сердцу приписывается способность перемещаться только по вертикальной оси (*сердце подпрыгнуло/ёкнуло / упало*), что исключает возможность использования глаголов, репрезентирующих концепт БЕГ.

И в английском, и в русском языке для описания interoцептивных ощущений широко применяется лексика орудийной семантики, в частности, глаголы, описывающие воздействие колющих и режущих предметов. Ср.: *в боку колет; живот режет; сердце пронзило; a piercing sensation; a stab in my stomach; a cutting pain*. Для описания сердечных сенсаций и в том, и в другом языке широко используется образ молота. Ср. *His heart was hammering hard, and he felt droplets of cold sweat nestled at each temple* (S.King. *Thinner*); *Страх, конечно, был, и сердце молотило на пределе* (М. Быкова. *Человеку дана возможность*). Следует оговориться, однако, что в русском языке высказывания подобного рода чаще конструируются через

сравнение, а не метафору, и приведенный выше пример скорее исключение, чем правило. Более привычно звучат высказывания типа *Сердце, словно молот, стучало у него в груди*. В английском же языке конструкции, оформленные метафорой, весьма частотны и обнаруживают большую степень вариативности. Ср.: *His heart was hammering, but he didn't think it showed in his voice* (S. King. *A Very Tight Place*); *But his triphammering heartbeat did not slow* (S. King. *Thinner*); <...> *my heart beating out a triphammer pulse in my chest* (S. King. *The Body*); *Her heart was jackhammering wildly in her throat* (S. King. *Needful Things*).

Анализ дискурсивных практик позволяет выявить и ряд других расхождений. Так, например, в английском языке ощущение может описываться как принимающее форму того или иного орудия: *a sharp spear of pain* (J. Kirkpatrick. *Love to water my soul*), *a knife of pain* (L. Grant. *Love nor money*) (ср.: *острое копьё боли, *нож боли). Кроме того, морфологические особенности английского языка, в частности, широкая распространенность конверсии, позволяют описывать качественные характеристики ощущения, не эксплицируя название воздействующего орудия: *I felt a stab in my heart*; *There was a drill in my head*. В русском языке подобным образом могут использоваться лишь существительные *укол* и (условно) *удар*: *Я почувствовала укол в подреберье*.

В английском языке популярным средством описания interoцептивных ощущений является лексика зоологической тематики. Ощущение может описываться как *грызущее, гложущее, жалящее, рычащее, скулящее и т.п.*: *"Eat," she said from far away, and he felt stinging pain* (S. King. *Misery*); <...> *there was an unfamiliar but rather pleasant gnawing sensation below her breastbone* (S. King. *The Stand*); *The dizziness came again, more savagely this time, roaring through his head, making it feel like a balloon filled with helium* (S. King. *Apt Pupil*). Примечательно, что некоторые единицы, репрезентирующие зоологическую метафору, прошли процесс конвенционализации и стали частью общеупотребительного терминологического словаря боли. Так, например, *stinging* и *gnawing* входят в так называемый опросник боли МакГилла (см. [Melzack 1996: 40]). В русском языке выраженная тенденция к зооморфизации interoцептивного ощущения не отмечается, и употребление единиц зоологической семантики даже в составе сравнительной конструкции не носит систематического характера, а метафорически не употребляется вовсе (*У меня было грызущее/жалящее ощущение в желудке).

Немаловажным для формирования когнитивного пространства interoцепции представляется то культурно-историческое обстоятельство, что Россия поздно волилась в дискурсивное пространство Европы, в формировании которого Англия сыграла одну из ключевых ролей. На протяжении столетий Россия находилась в неведении относительно актуальных философских, научных и религиозных дискурсов, часть которых была посвящена человеческому телу. В результате в коллективном когнитивном пространстве внутреннего тела не сформировался ряд моделей, которые актуальны для английской лингвокультуры и активно репрезентируются на вербальном уровне. Одной из них является когнитивная модель «тело – машина», истоки которой лежат в популярной в Европе картезианской философии. Устойчиво ассоциируя тело с механизмом, носители английского языка достаточно часто описывают interoцептивные ощущения в механических терминах. Ср.: *Alan's heartbeat kicked into a higher gear* (S.King. *Needful Things*); *My heart pumping, I follow Sadie* <...> (S. Kinsella. *Twenties Girl*); *So he somehow managed to lean over again, awakening rusty bandsaws in his legs as he did so* <...> (King. *Misery*). Нельзя сказать, что механическое понимание телесности совершенно чуждо носителю русского языка, однако оно реализуется скорее на уровне неких общих представлений о принципах работы тела и практически не репрезентируется при описании внутрителесных ощущений.

В русскоязычной культуре совсем не коррелирует со сферой внутрителесных ощущений когнитивная модель «тело – дом», занимающая одно из центральных мест в когнитивном пространстве носителей английского языка. Описания типа *Frank Jewett felt a horrible sinking sensation in the pit of his belly. It felt like an elevator out of control* (S.King. *Needful Things*), получившие достаточно широкое распространение в англоязычной художественной литературе, не имеют аналогов в русскоязычной дискурсивной практике.

Интересно, что политическая метафора тела, несмотря на свое «западное» происхождение (авторство принадлежит немецкому ученому Р. Вирхову) чувствует себя на российской почве гораздо более комфортно, и, несмотря на некоторую непривычность образа, понятна носителям русского языка. Ср.: *У меня почки забастовали; Кишечник отказывается работать и т.п.*

Разумеется, формат статьи не позволяет с должной степенью детализации описать все особенности вербальной репрезентации interoцептивных ощущений в английском и русском языках. Но

даже тот небольшой объем информации, который нам удалось представить, позволяет сделать ряд выводов: 1) Англофонная культура представляется в целом более соматичной, чем русскоязычная. Внутреннее тело представлено в ней более подробно и с более высокой степенью детализации. Арсенал вербальных средств, используемых для репрезентации интероцептивных ощущений, более обширен и разнообразен, что позволяет предложить несколько альтернативных «прочтений» актуального внутрителесного опыта. 2) При совпадении метафорических моделей, как происходит, например, с метафорой движения, наблюдаются существенные различия в их вербальном наполнении, что может создавать определенные трудности при переводе контекстов, содержащих интероцептивную лексику. 3) Английский язык обнаруживает более выраженное тяготение к метафоре как стилистическому средству оформления интероцептивного высказывания, в то время как русский отдает предпочтение сравнению. Данная тенденция может свидетельствовать о большей степени когнитивной освоенности интероцепции, поскольку укоренение метафоры, как правило, связано с консолидацией определенной когнитивной модели в коллективном когнитивном пространстве. 4) Преобладающая агентивная ориентация английского языка способствует расширению словаря интероцепции, позволяя использовать для обозначения внутрителесного ощущения лексические единицы, обозначающие активные целенаправленные действия.

Возвращаясь к заголовку настоящей статьи, можно сказать, что в английской лингвокультуре голос внутреннего тела звучит громко, ярко, уверенно и отчетливо в общем дискурсивном хоре, в то время как в русскоязычных дискурсивных практиках он едва уловим.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Ю. И., 2009, Александрова Н. А. *Субъективный опыт, культура и социальные представления*. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». – 320 с.
- Телесность как эпистемологический феномен*. 2009. – Москва: ИФРАН. – 231 с.
- Тхостов А. Ш., 2002, *Психология телесности*. – Москва: Смысл. – 287 с.
- Fisher S., 1973, *Body Consciousness*. – London: Calder and Boyars. – 176 P.
- Melzack R., Wall P. D., 1996, *The challenge of pain*. – England: Penguin Books. – 340 P.

- Tambornino J., 1999, Locating the Body: Corporeality and politics in Hannah Arendt. In *The Journal of Political Philosophy*: Vol. 7, Number 2. – P. 172–187.
- Van Dantzig, S., 2009, *Mind the Body. Grounding Conceptual Knowledge in Perception and Action*. – Rotterdam: Erasmus University. – 158 P.

The Voice of the Inner Body in the English and Russian Culture and Language

Summary

The paper considers the peculiarities of the verbal representation of interoceptive (inner-body) sensations in English and Russian. The author lists the basic factors that shape the process of verbalization and identifies the role of the cultural environment in the formation and exteriorization of subjective inner-body experience. Analyzing language facts, the author reveals a qualitative and quantitative misbalance in the verbal representation of interoceptive phenomena in English and Russian and comes up with the conclusion that the Anglophone culture is characterized by a more distinct orientation towards the cognitive exploration of the Inner Body and offers a better developed repertoire of language means to denote interoceptive experience.

Keywords: *Inner Body, interoceptive sensations, cognitive modeling, verbal representation.*